КАКАЯ СЦЕНА У ВАС ВОЗНИКАЕТ, КОГДА ВЫ ВСПОМИНАЕТЕ СВОЕГО ОТЦА?

Денис Евстигнеев: Какую-то одну, яркую сцену не могу описать. В детстве я помню отца в спектакле "Голый король", который шел в "Современнике". Он выходил за кулисы в короне, и я ужасно этим гордился. Понимал, что мой отец там главный, потому как он в короне. Я обожал эту корону стаскивать с его лысины и надевать на себя. А она, естественно, соскальзывала и практически через всего меня проходила. *(Смеется.)* Еще вспоминаю не сцену, а скорее ощущение моего понимания, кто такой отец. Не в смысле, что он артист, популярный человек, а именно Отец. Мы ездили к нему на родину в Горький, к его маме, моей бабушке. Я очень хорошо запомнил эту поездку, потому что до этого момента свою бабушку никогда не видел. А тут он нас с Машей (сводной сестрой. — **Авт.**) отвез, чтобы она посмотрела на нас перед своей смертью, а мы бы посмотрели на нее.

Давид Кеосаян: Отец, особенно во время работы, мог использовать довольно жесткие выражения. Однажды на картине "Звезда надежды" новенькая гримерша с непривычки ужаснулась папиной лексике. Подошла к нему и попросила его вести себя на площадке по-парламентски. Отец пошел ей навстречу и несколько часов себя сдерживал. Но обстановка на площадке стала такой, что эта женщина сама подошла к отцу и сказала: "Эдмонд Гарегинович, вы себя не сдерживайте, пусть оно идет так, как идет, чтобы все могли спокойно работать". Надо отдать отцу должное, он всегда находил возможность прилюдно или в личной беседе извиниться перед тем, с кем был резок.

Тигран Кеосаян: Не знаю... Он был весь какой-то большой, поэтому и воспоминания всеобъемлющие. Выражение лица вспоминаю, какие-то ощущения, но больше грустные.

ВЫ РЕДКО ВИДЕЛИСЬ СО СВОИМ ОТЦОМ?

Денис: Мы виделись, но жили не вместе. У нас не было какого-то определенного дня в неделю для встреч. У него были гастроли, съемки, спектакли, но я не чувствовал себя ущербным.

Давид: Мы очень часто виделись. У нас был перерыв, когда я в 1987 году уехал работать в Индию и вернулся только через 5 лет.

Тигран: Нормально, как все.

УРОК ОТЦА, КОТОРЫЙ ВЫ ЗАПОМНИЛИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ?

Денис: Он был не таким человеком, чтобы чему-то специально учить. Отец не садился на стул и не начинал вещать, что вот это делать не нужно. Но вся его жизнь для меня урок. Как он общался с людьми, старался не делать подлостей, не суетился.

Давид: Для меня каждый день, прожитый рядом с отцом, являлся уроком. С ним было очень легко. Все, что я умею делать и чем занимаюсь сегодня, — это от него.

Тигран: "За все надо отвечать самому". Папа жил так.

ВЫ БОЯЛИСЬ СВОЕГО ОТЦА?

Денис: Нет. Он был совсем не воспитатель. Никогда не читал нотации, не ругал за отметки. Я так думаю, что отец это делал из-за того, что любую ситуацию пропускал через себя. Например, когда мама говорила отцу, что у меня в школе ужасные отметки, он сразу же вспоминал, какие были оценки у него по школьным предметам. Честно — я не знаю, как он учился. Но судя по тому, что отец меня не ругал, наверное, еще хуже, чем я. *(Смеется.)* Однажды мама сказала отцу, что я начал курить (а это случилось в достаточно раннем возрасте), на ее замечание он ей ответил: "А я начал еще раньше". Мама была в ужасе от этого, а отец меня даже не отругал.

Давид: Нет. Я стремился заслужить его похвалу. Если честно, то ко мне отец относился немного жестче, чем к Тиграну. Дело в том, что нашего дедушку забрали в 37-м году, когда папе исполнилось всего 6 месяцев. И насколько я понимаю сейчас, он на мне, методом проб и ошибок, пытался понять, как нужно обращаться с детьми.

Тигран: В детстве — да. Он был строгий, и я боялся его расстроить. Он не ругал меня, а просто переставал общаться. И для меня это было страшным наказанием. Папа всегда нам говорил, что братья должны быть вместе. И благодаря ему мы с Давидом и общаемся, и работаем вместе. Потому что есть понимание, что ближе брата быть никого не может.